

Рассвет едва брезжил, когда Цяо Соньянь, стоя у ворот, махал рукой уезжающей карете. Цяо Сэньвэнь прильнул к окну, усердно размахивая пухлой ладошкой. Подобная сцена повторялась уже полмесяца.

Цяо Сэньвэня привезли в усадьбу на второй день после праздника середины осени. В тот момент Цяо Соньянь в главном дворе занимался тайцзи. Дядя Хэ привел к нему смущенного мальчика:

— Господин, Тянь Цю (сын дяди Тяня) рано утром открыл ворота и обнаружил маленького господина снаружи. Слуга, который его привез, дожидается во дворе.

Оставив Цинчжу присматривать за Цяо Сэньвэнем, Цяо Соньянь отправился на передний двор. Он узнал пришедшего — это был тот самый человек, который помогал собирать слуг для поместья Цяо. За его спиной стоял смышленный мальчуган с узлом в руках.

— Чжан Пин приветствует старшего господина, — он потянул сына за собой, и они опустились на колени. — Это Чжан Цзинь, мой сын. Он уже несколько дней прислуживает маленькому господину. Если старший господин не побрезгует, позвольте ему остаться и дальше прислуживать маленькому господину.

Цяо Соньянь оставил Чжан Цзиня, расспросил об учебе Цяо Сэньвэня и отпустил Чжана, ни словом не обмолвившись о доме Цяо или господине Цяо.

В школе давали выходные первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Позавтракав, Цяо Соньянь, не обращая внимания на возможное опоздание, велел дяде Хэ показать путь Тянь Цю, чтобы тот впредь возил детей на занятия. Так и началась эта ежедневная традиция.

В тот же день дядя Хэ принес весть: у генерала Цзиня никого нет. Информация была точной, полученной от слуг из самого поместья генерала. Цяо Соньянь уже и забыл, что просил об этом, но дядя Хэ не забыл. Какая прекрасная новость! В порыве радости Цяо Соньянь поднял жалование всем работникам шести усадеб на тридцать процентов.

Отношения прежнего владельца тела с Цяо Сэньвэнем были сложными. У господина Цяо было много жен и наложниц, но за долгие годы родились лишь один сын и одна незаконнорожденная дочь, поэтому старшего сына готовили к тому, чтобы он остался в доме, завел семью и продолжил род.

Когда Цяо Сэньвэнь родился, прежнему хозяину было двенадцать. В тот день, вернувшись из школы, он узнал, что ребенка записали на имя госпожи Хэ. Все в доме в один голос твердили, что это сын, усыновленный из клана. Такой статус был куда выше, чем у ребенка от презренной наложницы из увеселительных заведений.

Сначала брат вызывал лишь отторжение, но госпожа Хэ пообещала, что положение сына не изменится. А сам Цяо Сэньвэнь был таким послушным и милым, что госпожа Хэ души в нем не чаяла и начала чаще улыбаться. Со временем прежний владелец, любя мать, полюбил и брата. Он грезил о том, что брат пойдет по чиновничьей стезе, а сам он станет усердно учиться,

чтобы взять на себя управление хозяйством и избавить брата от тревог. Они должны были поддерживать друг друга и возвысить семью Цяо.

Все рухнуло, когда ему исполнилось пятнадцать. Господин Цяо внезапно дал ему второе имя. Для юноши в пятнадцать лет это означало лишь одно: его собираются выдать замуж. Госпожа Хэ, чье здоровье и так оставляло желать лучшего, слегла от удара. Как после этого не возненавидеть отца?

Господин Цяо спешил, и свадьбу назначили на время после Нового года. Перед выходом из дома, поклонившись предкам в храме, прежний владелец мысленно порвал все связи с семьей. Именно поэтому Цяо Соньянь всегда называл Цяо Сюжана не иначе как господин Цяо.

После первой брачной ночи он наложил на себя руки, но перед смертью горько раскаялся. Мать, хоронящая сына, не переживет горя. Брат, которому всего четыре года, из-за его холодности стал замкнутым и пугливым — как он будет жить без матери и старшего брата?

Хотя в тело вселился Цяо Соньянь, в день визита к родителям госпожа Хэ все же пришла. Она с одного взгляда поняла, что перед ней не её сын. Отослав всех, она оставила Цяо Соньяня наедине с собой, достала все свои сбережения и умоляла его присматривать за Цяо Сэньвэнем. Цяо Соньянь, разумеется, не взял денег, но пообещал заботиться о мальчике. В ту же ночь госпожи Хэ не стало.

Выданный замуж омега — это отрезанный ломоть. Цяо Соньяню не нужно было соблюдать траур, а для визитов в дом Цяо требовалось разрешение дома Фуюань, поэтому навещать брата часто он не мог.

Лишь когда Цяо Сэньвэнь в шесть лет пошел в школу, Цяо Соньянь начал поджидать его по пути, принося еду и игрушки, расспрашивая, не обижают ли его. Мальчик всегда отвечал, что у него все хорошо, проявляя такую детскую рассудительность, что сердце сжималось.

Цяо Соньянь никогда не видел таких послушных детей. Он искренне полюбил его и стал уделять еще больше внимания. Вскоре выяснилось, что в школе дела шли не лучшим образом: учитель-то его любил, но одноклассники считали скучным и не хотели играть. Именно поэтому Цяо Соньянь хотел, чтобы Цзинь Чэнь чаще общался с Цяо Сэньвэнем — его брат такой милый, что любой, кто узнает его поближе, обязательно полюбит.

Видя, что господин не только не отдалился от брата из-за дел семьи Цяо, но стал с ним еще ближе, Цинчжу обрадовался:

— Господин, может, купим дом в городе Аньпин? Маленький господин тратит больше двух часов на дорогу в карете, это же отнимает время.

— Чему это мешает? Разве не удобно повторять уроки в карете? — заметив приближающуюся повозку, Цяо Соньянь дал указание: — Иди скажи дяде Хэ, что привезли утиные яйца.

Сам же он, взяв с собой Цинтуна и Синьхая, направился к задним горам.

Езда верхом сократила бы время вдвое, да и в семь лет пора начинать учиться стрельбе и верховой езде.

— Найдите время, научите Сэньвэня и Чжан Цзиня ездить верхом, — сказал Цяо Соньянь.

— Слушаюсь, господин.

— Слушаюсь, молодой господин.

Вспомнив, что Цинтун все еще получает жалованье на кухне, Цяо Соньянь спросил Синьхай:

— А сколько вы получаете в месяц?

— Я — двадцать одну таэль, — ответил Синьхай.

Неужели у всех по-разному? Цяо Соньянь удивился, но расспрашивать не стал.

Он больше не хотел, чтобы посторонние заходили в его лес, ведь с задних гор открывался вид на всю усадьбу. Усадьба была небольшой, в три двора. В домиках у главных ворот жили дядя Хэ и семья дяди Тяня. С восточной стороны находилась кухня. Пройдя через передний двор и ворота, попадаешь в главный двор: там жил Цяо Соньянь, в боковых комнатах расположились кабинет и ванная. Цяо Сэньвэнь жил в восточном флигеле. В заднем дворе жили слуги, там же находились хозяйственные постройки, конюшня и туалет.

Охотники каждый раз приносили добычу, но сегодня — лишь кролика да змею. Видимо, слухи о двух умелых охотниках разлетелись по округе, и мелкая живность попряталась. Теперь, чтобы найти дичь, приходилось уходить глубоко в лес.

Услышав, что Цяо Соньянь велел тетушке Тянь приготовить на обед суп из змеи и крольчатину, Синьхай не удержался:

— Полмесяца живу у вас, господин, и каждый раз поражаюсь. Уметь приготовить из простых продуктов такие деликатесы — вот это истинное мастерство. Чтобы не растолстеть и не потерять форму, я каждое утро тренируюсь по полчаса.

— Вы же служите у Ичжи, вряд ли вас кормят плохо, — Цяо Соньянь, вспотевший после подъема в горы, собирался принять ванну. — Цинчжу, воду приготовил?

— Приготовил, господин, — Цинчжу смыл грязь с рук и пошел помогать Цинтуну.

Синьхай направился вслед за Цяо Соньянем и начал жаловаться:

— В доме Хоу кормят отлично, но в военном лагере — одна полевая кухня: соли много, масла мало. Солдатам на границе еще тяжелее, овощи хранить трудно, иногда днями едят пустой рис. Генерал ест не лучше: пара блюд да кувшин вина. Хотя наш генерал почти не пьет.

Цяо Соньянь удивился:

— А почему ты ни разу не упоминал, что не хватает мяса?

Синьхай рассмеялся:

— Мясо — это ладно. Генерал как ходит в горы, так в лагере и праздник. Но если мяса нет, его из воздуха не наколдуюшь.

Цяо Соньянь усмехнулся:

— Вы же не тренируетесь с утра до ночи? В лагере десятки тысяч человек, пусть каждый поработает на земле по часу — это десятки тысяч часов в день. Сколько всего можно вырастить! Разве можно жаловаться на голод?

Синьхай напомнил:

— Генерал же говорил, что дом Хоу не должен вмешиваться в дела с продовольствием и медициной. Даже идею выращивать лекарственные травы в Вэньчжоу зарубили на корню.

— Я же не заставляю вас выращивать зерно! — возразил Цяо Соньянь. — Разве нельзя разбить огороды? Заведите скот, птицу. А отходы? У вас же целая армия, это же отличные удобрения! Неужели просто выбрасываете?

— Вывозим за пределы лагеря, — Синьхай почесал затылок.

Цяо Соньянь зашел в кабинет, достал брошюру и протянул её Синьхаю:

— Возьми, перепиши.

Синьхай прочитал заголовок: «Ферментация птичьего помета для органических удобрений / Безопасная переработка отходов животноводства». Он был поражен эрудицией Цяо Соньяня.

В заднем дворе Синьхай усмехнулся:

— Опять будешь переписывать? Даже великий князь не упустит возможности узнать, как делать удобрения.

Цинтун не стал спорить:

— Перепишешь — отдай мне.

Синьхай прищурился:

— А чьим человеком ты являешься на самом деле?

— Вы же знаете. Я охранник, которого великий князь приставил к господину, — Цинтун нахмурился. — Вы подозреваете, что я шпион?

— Этот метод удобрения полезен только фермерам. Если генерал внедрит его в армии, это станет известно всем. Для кого ты так стараешься? Неужели для императорских угодий?

— Я охранник господина и служу только ему, — Цинтун решил сказать прямо: — Если господин дал это вам, значит, это знание не секретное. А я перепишу для великого князя, чтобы он еще

больше ценил моего господина.

<http://bllate.org/book/19132/1879006>